

ВЛАСТЬ И ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ

**В.Б. Куликов, А.А. Никулин,
Н.Н. Журавлев**

Куликов Владимир Борисович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Никулин Андрей Анатольевич — ведущий специалист информационно-аналитического отдела общественной организации «Знание — Уралу», политконсультант. Журавлев Николай Николаевич — кандидат политических наук, политконсультант. Трагически погиб в 2001 г.

политконсультантов и власти, где те или иные отношения консультантов и власти, которые мы можем пронаблюдать в натурном виде, будут служить основанием для схематизации различных типов политики, политических онтологий, в которых это взаимодействие происходит. При этом мы считаем, что реальный режим функционирования типов политики строится, как объединение знания и незнания в одном типе и на натурные отношения политиков и консультантов предлагаем смотреть как на типологические.

Кратко характеризуя упомянутые ставки власти и консультантов, мы можем говорить о том, что ставкой и формальной рамкой сообщества политиков и каждой конкретной персоны, идентифицирующей себя как «политик», является власть, как возможность реализовывать свою свободу действия во всей ее возможной полноте. При том, что увеличение власти как увеличение количества действий, производимых властью, не основано на чем-либо еще кроме необходимости расширения и усиления самой власти, то есть на необходимости действовать. Это утверждение достаточно очевидно.

Менее очевидным является другое, то, что знание никогда не может являться результатом действия власти. Вообще, знание как таковое менее очевидно, нежели власть, конкретные результаты власти, как правило, материализованы: слова, натуральные вещи, или институции. Во всяком случае, их принято соотносить скорее с действиями власти, чем с действиями знания. В этом есть свой резон: власть всегда направлена на другое, в то время как знание всегда направлено само на себя. Делая определение более жестким, мы можем сказать, что власть возобновляется только в горизонте другого, тогда как знание только в своем собственном. Выражаясь делезовскими словами, власть работает как чистое различие, тогда как знание работает как чистое тождество, но в этом случае власть и знание просто не должны знать друг о друге. И будь это так, нам бы стало не о чем говорить в этой теме — нас самих, как политконсультантов, просто бы не было. С точки зрения функционирования типа политики, знание, безусловно, ничего не производит, но оно само является конститутивной частью производящего механизма. Поэтому, говоря о «всесилии власти» как принципе, мы должны заметить, что власть всегда делает только то, что может сделать и никогда не больше, и не меньше того, что может сделать. И нельзя сказать, что знание (или мы, «разумные, знающие» научные работники) помешало власти что-то сделать. Власть вместе с нами, «разумными и знающими» сделала что-то другое. Но сделала ведь!

При этом власть, оставаясь в полном неведении относительно знания, то есть, не имея никаких собственных критериев знания, признала других за знающих, и совершила незнание в самом себе (с точки зрения финального результата) действие, такое же, какие она совершала и до того, пока не появились «разумные и знающие».

Вот такая сложная формулировка

Для нас данный текст не является ни рекламой конкретной консалтинговой группы, ни научной пропагандой определенных методов, применяемых в процессе работы политического консультанта. Цель этого текста — разобраться с тем, что реально происходит в практике политконсультирования, то есть в рамках темы, заявленной как отношения политики, власти и знания, рассмотреть позиции политконсультантов (мы предполагаем, что их несколько) с точки зрения содержания того, чем консультанты занимаются.

Такая задача имеет для нас практический интерес, прежде всего с точки зрения понимания себя (самопонимания) и, одновременно, понимания нас же другими участниками политических процессов. Мы исходим из очевидного эмпирического факта разделенности политиков и политконсультантов на два различных сообщества, что позволит говорить о различных ставках (самостоятельных предельных горизонтах), в отношении к которым, данные сообщества формируются и самоопределяются — власть и знание.

Вынося в заголовок предположение о контексте политики, мы, в первую очередь, предлагаем понимать политику как пространство отношений

получается.

Оставаясь в рамках нашего движения к различению власти и знания, приведем простое разъяснение. Любые усилия и намерения власти относительно знания вообще минуют знание как таковое и направлены на поддержку занятий, предположим, наукой, объем понятия которой не совпадает с объемом понятия знание, притом, что занятие наукой необязательно является делом, которым занят знающий.

Создание Академии наук или других научных организаций, связанных со знанием, не решало и, по-видимому, никогда не решит проблему знания, поскольку знание, как самостоятельное событие, не является безусловным рефлексом на политику власти относительно поддержки знания.

Более того, намеренно усиливая оппозицию науки и знания, можно сказать, что знающий как раз и не занят делом науки, так же, как не занят и делом власти. Либо, если знающий находится в науке, то можно сказать, что он является знающим помимо науки, и если знающий находится во власти, то он является знающим помимо власти.

К тому же, принадлежность знающего к науке (что является более распространенным мнением) или принадлежность знающего к власти (о чем принято считать как, скорее, об исключении) может являться только фактом внешнего наблюдения, которое не зависит ни от знающего, ни от науки, ни от власти.

Знающий в науке, таким образом, знает науку как материализованный результат какой-то конфигурации власти и знания (не своего собственного, разумеется), как границу, в которой он, знающий, вынужден работать с другим, в нашем случае с властью.

С его, а мы, ведя диалог друг с другом, надеемся, что и с нашей, точки зрения — и знающий науку, и другой, результатом действия которого стала наука, являются неизвестными. Не могут быть знаемыми, в первую очередь, сами собой (в горизонте собственных ставок) по определению. Или, скажем так, в знании не нуждающимися, поскольку известно, что для того чтобы говорить, совсем необязательно знать то, что ты говоришь, как и для того, чтобы ходить, необязательно знать, что ты ходишь.

В этом смысле, в знании нуждается сама возможность разговора как состоявшегося факта, который является результатом властной связи двух разговаривающих, притом, что мы считаем, что эта возможность, возможность знания, всегда есть. В этом смысле, мы исходим из того, что сам разговор, как и наука, — являются представлениями другого, в случае разговора — речи, в случае науки — знания (здесь, за неимением лучшего, мы просто пользуемся традиционным смещением науки и знания, даже не собираясь формулировать наш взгляд на ставку науки и ее собственное понимание знания).

Нужно дать разъяснение того, почему вдруг у науки появился новый горизонт: очевидно, что разговор и наука разные не только по качеству, но и по силе абстракции — разговор, в том значении как здесь его используем мы, не привязан к конкретному другому, собеседнику, иначе бы мы его назвали более конкретно, наука же у нас уже привязана к другому по имени власти. Тем не менее, наука сама по себе не теряет собственной ставки, оказавшись в привязке к власти. Или, во всяком случае, эту ставку можно восстановить, либо приписать науке.

Фактически же, удерживая общую тему власти, знания и политики, мы говорим, что мы движемся от нашего знания в сторону науки, как конкретной материализации власти и, одновременно, в сторону собственной ставки под именем знание. С одной оговоркой, когда мы говорим, что движемся от нашего знания, мы понимаем, что это только уступка распространенному мнению о том, что для того, чтобы двигаться, необходимо уже где-то быть. Для нас ситуация иная — мы движемся о незнания, из пустоты или из очевидностей, или принимая нечто на веру.

Исходя из таким образом формулируемой позиции, мы не можем принимать за знание, а только на веру тот факт, что все люди умеют разговаривать, или, положим, я умею разговаривать. Очевидно, что простого знания о том, что я умею разговаривать, недостаточно для факта разговора (мы разговаривали, но разговор не состоялся или состоялся — распространенная формулировка).

Тем самым мы утверждаем, что факт разговора, как возможность речи, существует отдельно от натурального присутствия разговаривающих. Более того, для разных разговаривающих существуют разные идеальные разговоры. Но факт разговора, — не идеальный разговор, — а идеальный факт разговора, существует как единичный, как форма идеальных разговоров или как форма идеальных речей. И присутствие идеального факта разговора, несмотря на то, что разные разговаривающие будут разговаривать с другими разными, несмотря на то, что разговаривающие могут постоянно меняться и вести другие разговоры, для кого-то может вылиться в речь.

С точки зрения знающего, мы как раз и не можем знать идеального разговора. Как и с точки зрения политконсультанта — мы не можем знать идеальной избирательной кампании, даже не смотря на то, что какие-то действия привели к успеху. Иначе в следующий раз мы будем делать то же (воспроизводить идеальную кампанию), а все остальное вдруг окажется другим — сменится собеседник, например, или появится сильный соперник у кандидата, которого мы консультируем.

Мы только можем знать, что форма есть, она работает, и в случае нашем, политконсультантов и политтехнологов, она даже имеет поименованную натуральную реализацию — голосование или выборы, хотя мы понимаем, что это всего лишь внешнее имя реализующегося события. Мы не знаем, какая именно форма и как она работает, но мы думаем, что форма работает и должна выдавать какие-то результаты. Причем для нас эти результаты могут быть зафиксированы только как различия, как другое, которое «в голове не укладывается».

Для нас важно показать, что различие вообще возможно только как знание другого без знания себя. И действие власти, точнее, ее работа в политическом типе, и есть постоянная работа различия или, что то же самое, постоянное захватывание горизонта и, одновременно, схлопывание с этим горизонтом. Здесь само различие, которое может улавливать только внешний наблюдатель, а зачастую и выдавать во вне (знаменитая тоска по Советскому Союзу или «при Ельцине было веселее»), является не более чем претензией на право власти. Внешний наблюдатель видит (а может ли он сделать что-то большее?) различие только между одной властью и другой властью, либо между одной властью

в разные периоды. Кстати, попытки «помочь» власти возможны только из позиции внешнего наблюдателя.

Но в том-то и дело, что знающий — не внешний наблюдатель. Внешний наблюдатель только частично входит в знание знающего. И, работая с различиями, то есть в полном незнании относительно себя, должен двигаться к принципу, к форме, благодаря которой данное различие осуществилось. Здесь есть два вопроса.

Где различие осуществилось? Разумеется, на границе внешнего наблюдателя, который может быть наблюдаем знающим, находящимся в различии с ним, благодаря форме.

И что значит «без знания себя»? Значит это только то, что в знании себя мы вынуждены моментально реагировать на случившееся различие, позитивно или негативно, или просто его регистрировать — определять себя относительно проведенной границы представления. Это так же, как в случае со зрением, когда глаз захватывает любой появившийся в его поле предмет, то есть, реагирует, «видит», не зная причины своего видения и не зная, что именно он видит, пока ему не покажут другое, но, зная себя как очевидно видящего субъекта, способного различать разные предметы. Давайте сменим перспективу, и тогда глаз окажется тем неизвестным приемником, который оказался на луче света или, лучше сказать, в поле света. Но само поле, в котором видение возможно, не является результатом действия глаза.

С этой точки зрения, глаз оказывается только средством, которое сработало, уловило предмет, стало адресатом появившегося различия, но стать таким средством глазу позволило только поле света. В связи с другим появившимся различием будет и другое средство, и другая форма.

С нашей точки зрения, главный вопрос относительно собственной позиции консультанта: как он будет формировать поле, и будет ли такое поле вообще. Мы хотим сказать, что мы, в позиции консультанта, самоопределяющегося по отношению к, положим, остальным участникам политического процесса из знания формы, сами уже по отношению к этой форме вынуждены думать о себе как о незнающих. Понимая и наше знание как процесс, как движение от незнания к знанию, результаты которого безусловно носят знаниевый характер и реализуются именно как вещи или как средства (в случае политконсультанта по-другому и быть не может), которые сами по себе, вне контекста нашего движения от незнания к знанию, могут являться абсолютно бессмысленными музейными экспонатами. Хотя в какой уникальный результат она разрешится, мы не узнаем, пока не вступим в разговор и не узнаем «что» люди собираются выбирать.

С этой точки зрения, позиция заказчика на нашу работу или позиция власти в данный конкретный момент фактически сливается с позицией любого другого внешнего наблюдателя, и она входит в наше уже наблюдение как одно из различий, которые формируют поле, и с которыми мы должны работать.

Теперь, если принять во внимание характеристику внешнего наблюдателя как такого, который сам по себе в знании не нуждается, то, вероятно, будет правильным еще раз, но теперь позитивно для нашего знания, определить его, финальный результат политики, как границу знания. Вопрос в том, чем она, политика, начинается?

Возможно, что этот вопрос является

ключевым для нашей определенности в позиции политконсультанта как знающего, поскольку ответ на этот вопрос является обозначением другой, условно «верхней», границы знания. Номинальный ответ на этот вопрос очевиден: другой, помимо натуральных фактов, границей знания политконсультанта является власть.

При этом, нужно заметить, что власть как граница знания консультанта, с его же точки зрения, не бывает хорошей или плохой постольку, поскольку сама позиция консультанта не является никакой натуральной вещью, относительно которой власть может совершать действия и быть политически ориентированной (что, конечно, может выглядеть спорно, учитывая российские политические традиции, но спорно лишь с точки зрения натурально-телесного мышления о взаимоотношениях власти и консультанта, а не собственно знания консультанта, а это уже другая тема).

Но мы повторимся: быть политически ориентированной, то есть, иметь оценочные характеристики хотя бы на уровне «хорошо-плохо», власть может только по отношению к внешнему наблюдателю (например, к самому консультанту, как натурально живущему человеку), но не к знанию консультанта, во всяком случае, в той позиции, которую мы пытаемся изложить.

А, во-вторых, власть является формальным условием деятельности консультанта. Поясним, что имеется в виду, когда мы говорим о власти как о формальном условии работы консультанта, и, вообще, как формальном условии самой возможности политконсультанту быть: мы говорим об онтологической рамке, с которой сам консультант работает.

Реализации собственного отношения к онтологической рамке, с которой работает консультант в конкретных ситуациях избирательных кампаний, описаны и достаточно часто обсуждаются сообществом. Проблематизация способов и методов взаимодействия консультантов и политиков (проблематизация типов политики) позволяет эти описания представить в виде типологии с точки зрения рефлексии консультантами собственно консалтерской ставки — знания. Собственно типология сводится к четырем типам/режимам взаимодействия политика и политконсультанта:

1. Власть делегируется знанию, консультант исчезает как фигура, имеющая собственную ставку в политической игре, превращаясь в наемного работника власти. Психологически важно в этом типе отношений, насколько соблюдаются приличия и материальная мотивация.

Тип: присвоенная власть без знания знания (консультант — орган власти, присвоивший власть как свое знание). Реальность власти «больше» реальности знания. Власть здесь и является онтологией, в которой работает консультант.

2. Власть присваивает знание, оспосабливая собственную ставку в знаниевые или любые другие формы (религию, деньги, и т.д.). Консультант — любой, первый встречный, присвоивший власть и оспособивший знание во властную форму.

Тип: знание (религия, деньги и т.д.) и власть — это одна и та же ставка, либо ни та, ни другие ставки. Политик неотличим от консультанта, поля знания и власти перемешаны, конкурентны, конкуренция за право быть другим в отношении власти, за право быть горизонтом власти; общая

формула: постоянное присвоение чужих ставок. Так называемый «постмодернистский» сценарий.

3. Тип взаимодействия власти и консультанта, сохраняющий обе ставки в политической игре. Консультант — промежуточная фигура, организующая обмена ставок власти и знания (обмены выявленных различий), в рамках собственного знания, построенного как рефлексивное, то есть, как минимум, разделенное и распределенное на других, помимо консультанта, субъектах.

Тип: знание власти и знание знания/распределенное знание. Реальность власти здесь, как минимум, не больше реальности знания, и обе реальности, или хотя бы знаниевая, являются проблемными.

4. Тип, который самостоятельно в практике

консалтинга не встречается. И имеет отношение скорее к кафедральным политологам. В практике взаимодействия консультанта и политика используется в качестве розыгрыша власти со стороны консультанта, либо, что крайне редко, в качестве «саморозыгрыша» власти.

Тип: присвоенное знание без знания власти (политолог, научный работник, а не консультант). Реальность науки «больше» реальности власти.

СПЕЦИФИКА ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА (на примере ГДР)

Д.А. Миронов, А.Н. Борисов

Миронов Дмитрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории политических учений факультета политологии и социологии УрГУ, действительный член Академии политической науки.

Борисов Алексей Николаевич — помощник ректора МГИМО, председатель Российской ассоциации содействия ООН.

С момента образования Германской Демократической Республики и вплоть до ее крушения центральную, руководящую роль в политической системе страны играла Социалистическая Единая Партия Германии. В своем партийном Уставе СЕПГ провозглашала себя «высшей формой общественно-политической организации рабочего класса, его проверенным в борьбе авангардом» и, соответственно, «ведущей силой социалистического общества, всех организаций рабочего класса и трудящихся, государственных и общественных организаций».

Руководящая роль СЕПГ в полной мере распространялась и на другие партии, что придавало существовавшей в стране партийной системе весьма специфический характер. Помимо правящей, в ГДР действовало еще несколько «буржуазных» партий: вначале с разрешения советских оккупационных властей появились Христианско-демократический союз (ХДС) и либерально-демократическая партия (ЛДПГ), а позже — Национал-демократическая партия (НДПГ) и Демократическая крестьянская партия (ДКПГ).

Целью их создания являлось стремление

продемонстрировать наличие политического плюрализма в стране, показать демократический характер существующего в стране режима, повысив тем самым уровень его легитимности. Кроме того, посредством этих партий руководство СЕПГ надеялось усилить свой политико-идеологический контроль над теми слоями и социальными группами населения, которые в меньшей степени находились под его непосредственным влиянием. При этом имелись в виду лица свободных профессий, некооперированные кустари и ремесленники, часть крестьянства и интеллигенции, социальный статус которых в ходе социалистического строительства существенно пошатнулся, деятели церкви, а в первые годы существования ГДР — бывшие члены нацистской партии, а также солдаты и офицеры вермахта.

Однако на практике социальный состав этих партий не в полной мере отвечал задуманным СЕПГ целям и задачам. Во многом это объяснялось их крайне ограниченными возможностями по ведению агитации и привлечению в свои ряды новых членов. К 1989 году из 140 000 членов ХДС половину составляли рабочие и служащие, и только четверть — кустари, ремесленники, люди свободных профессий, представители интеллигенции (19). На них же, вместе со школьниками, студентами и пенсионерами, приходилось свыше 60 % среди 110 000 членов ЛДПГ (20). Похожая картина была и в НДПГ. В результате получалось, что эти организации в большей степени соответствовали типу «народных» партий, чем «мелкобуржуазных», как предполагалось при их создании. Только в ДКПГ подавляющее большинство из 115 000 членов составляли действительно крестьяне.

Мотивация, побуждавшая людей вступать в ряды этих партий, была различной. Для некоторых это представляло собой относительно безопасную возможность продемонстрировать, пусть и в крайне завуалированной форме, некоторую оппозиционность по отношению к СЕПГ. Для других, особенно